



Анатолий Хвойницкий

НАС ТОНУТЬ НЕ УЧИЛИ

Повесть

МИНСК



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
Х31

Серия основана в 2024 году

Хвойницкий, А. В.

Х31 Нас тонуть не учили : повесть / Анатолий Хвойницкий. — Минск :
Четыре четверти, 2024. — 240 с. — (Серия «Современная проза»).

ISBN 978-985-581-702-5.

После детского дома семеро мальчишек попадают в школу-интернат. У каждого из них в семь лет началась новая жизнь. Им, совсем ещё детям, надо было быстро взрослеть, потому что за своё место в коллективе приходилось бороться по-настоящему. Делали они это вместе, понимая, что добиться результата поодиночке не получится. Так родилось братство, пронесенное через всю жизнь, сделав каждого сильной личностью, достойной подражания. На самом деле действительность оказалась далёкой от той, к которой их готовили. Кто-то смог стать ещё сильнее, а кто-то сломался...

Начав читать книгу, оторваться от неё трудно. Поневоле возвращаешься в детство, оцениваешь собственные поступки, вспоминаешь друзей и пытаешься понять, как события тех далёких лет повлияли на судьбу.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-702-5

© Хвойницкий А. В., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

Первая фотография

Как и когда заканчивается детство? Для ребёнка в семье, наверное, с окончанием школы, когда он задумывается, что делать дальше. И как дальше жить? Ему будут помогать, ему будут советовать, и если человек прислушается к этим советам и примет помощь, жизнь вполне может сложиться.

А когда заканчивается детство у детдомовца? В тот момент, когда он начинает думать, что есть сейчас и где спать сегодня? И ещё в тот момент, когда он теряет своих друзей, остаётся один, как сейчас Антон.

Антон сидел на автобусной остановке и глотал слёзы, в душе пустота, отчаяние и страх. Страх одиночества.

Только что школьный автобус увёз в новую жизнь его друзей. Они уехали, а он остался. Его одного отправят в другой интернат.

Колька, Борис... Он с ними с трёх лет. С первого класса в их компании Олег, Казик, Толя и Андрюха. Все эти годы они были вместе. Всё, что было до этого дня, теперь прошлое и лучшее в его жизни. Вот этот день и стал последним днём его детства. Что дальше?

Вдали показался автобус...

После годового пребывания мальчика в детском приёмнике местные власти решили отправить Антона в детдом. Там ребёнок будет досмотрен, и ему уделят должное внимание, а что сегодня?

Маленький Антон находился на временном попечении родственников. Кто-то, жалея его, принимал в свою семью на время. На сегодня у него есть чистая постель и кусок хлеба. Но это благополучие тоже было временным. А потом снова бараки, общежития,

коммуналки — они мелькали в памяти ребёнка, не оставляя следа, да и запомнить всё это он ещё не мог.

Так полтора года и путешествовал по родне. Вроде бы желание благое — пригреть сироту, но тепло это через две–три недели уходило, и появлялось желание ребёнка куда-нибудь пристроить. Да, он несмышлёныш, всё время куда-то лезет, требует внимания и заботы. Но он чужой, хотя и родственник. Свои дети, родные, требуют внимания и любви. Наверное, не получалось разделить любовь поровну — своим и ему. И жил Антошка, выпрашивая крохи любви. Но получить её не мог, потому что любовь эту забирали рядом ползающие дети. Всё лучшее им, а он не понимал, почему. И вступал закон силы — если смогу, заберу. Я тоже хочу. Следовала реакция — он нам не нужен! Он обижает детей! С ним тяжело, нам и самим тяжело! И малыш снова переезжал куда-то, привыкал к кому-то и выживал как-то.

На какое-то время его приютила двоюродная тётя. Жила она в небольшой комнатке рабочего общежития, места и самой мало было, но взяла мальчика. Сама сирота — и сироту приютила, хотя ей и двадцати ещё не было. Чувство материнства стало проявляться, заботиться о ком-то хотелось, коль сама этой заботы не знала. И всё больше привязывалась к племяннику.

Соседки шептались, не скрывая недоумения и непонимания.

— Верка, тебе-то зачем чужой ребёнок? Замуж выйдешь, своих нарожаешь!

Отшучивалась Вера.

— А вот и рожать не надо, мальчик уже есть. — хотя и понимала, что никто не даст ей оставить Антона у себя. И вроде родственников у него хватает, а чужим для всех был. Хотя понять их можно — своих детей в семьях много, а тут ещё один лишний рот.

Десять лет как война закончилась, а её незалеченные раны во всём ещё проявлялись. В семьях нищета и голод, время трудное было. До чужого ли ребёнка, своих бы прокормить да поднять.

Оставила Мария — мама Антона, детей одних. Двадцать восемь лет ей всего было, когда Господь к себе призвал. За год до смерти похоронила дочь, младшего сыночка родить успела и сама ушла. При живом отце дети сиротами остались. Четырёхлетнего Алексея

сестра отца приютила, а Антону только годик исполнился, хлопот с ним сколько. Лишний рот везде в тягость. У самой двое детей да третьим беременна, в одной комнатке военного барака семья ютилась. Теснота и нищета. На полу на матрасах сами ночевали. А возьми ещё одного. Так младший из братьев по родне и скитался.

Вера на швейной фабрике работала. Она на работе, а за мальчиком соседки по комнатам присматривают, так уж получилось, что нянек у Антона больше чем надо было. Три года ему уже, любознательный и непоседливый, без страха окрестности осваивал. Ему всюду и всё интересно, в любой комнате приглубят — кто по голове погладит, слово доброе скажет, а кто и краюху хлеба в руку сунет. Везде свой. Без страха к людям шёл.

Однажды в коридоре общежития мальчика встретил военный человек, присел на корточки перед ним и долго на малыша смотрел. Антон не испугался, хотя в первый раз дядю в военной форме видел, ручонку протянул и орден на груди потрогал.

— А это что? — малыш с любопытством перебирал на груди у военного медали, много их было.

— Это, сынок, награды такие, на войне их получают, когда хорошо воюют.

— Значит, ты, дядя, хорошо вов... во-евал! — мальчик с восхищением смотрел на этого большого и сильного мужчину. А тот поднялся, взял на руки Антона.

— Значит, хорошо воевал. А как нашего героя зовут? И где мы живём?

— Харитонов я, а зовут Антошка, я тут везде живу!

— Э, братец, везде! Так не бывает, где твоя мамка?

— Бывает, бывает! Нет у меня мамки, у меня Вера есть!

— Ну и где же твоя Вера живёт?

Антон вытянул ручонку и показал в конец коридора, навстречу им шла молодая девушка.

— Вера, Вера, я здесь! — увидев её, закричал мальчик и потянул к ней руки.

— Ой, товарищ майор, простите, он ко всем лезет. Наверное, и к вам приставал? Антоша, как тебе не стыдно! — Вера извинялась за малыша.

— Что вы такое говорите! — майор нехотя отдал мальчика. — У него на самом деле нет родителей?

И пока они шли к комнате, Вера кратко поведала историю мальчика.

— Скажите, Вера, а можно я ещё приду к Антону? — спросил майор, потом повернулся к малышу: — Антошка, можно?

— Можно, можно! — Антон даже слова не дал сказать Вере, та только плечами пожала.

— Вот, видите, он сам ответил!

Вера повернулась и, уводя малыша, пошла к своей комнате, Антон у двери повернулся и на прощанье помахал военному дяде ручкой.

Что-то защемило в груди майора, дышать стало трудно, к горлу подкатил горький ком, на лбу капли пота выступили, он опёрся о стену коридора. Постоял минуту, пока боль отпустила сердце, и, придя в себя, покинул барак.

В ту ночь не спал майор, перед глазами жена и сын стояли. Ваньке его столько же, сколько и этому мальчику было. И похожи они. Там, в общежитии, Антона на руки взял, а внутри всё перевернулось. Запах ребёнка, руки его на своей шее помнил. Пятнадцать лет прошло, когда вот также сына на руках держал. Думал, в душе всё умерло. Нет! Вернулось!.. Ванька, сынок!..

Перед самой войной его на западную границу служить направили, к месту службы с семьёй прибыл. А через неделю, 22 июня 1941 года, при первом авианалёте казарму, где семьи офицеров жили, бомбой накрыло, под развалинами все остались, и сын, и жена его. Андрей дозоры проверял, бой на границе принял. Бог сберёт его тогда, чтобы потом мстил за семью. Когда их к заставе прижали, сам всё увидел и простился с семьёй, хотя хоронить было некого и некогда. С ненавистью четыре года жил, ненависть эта и берегла его. С немцем сполна рассчитался, а вот боль потери не отпускает до сих пор.

После той встречи с мальчиком майор Скрябин после службы каждый день по вечерам приходил в общежитие к Антону, они подружились. Мальчишка привязался к дяде Андрею. Соседки шутить стали.

— Смотри, Вера, у тебя уже и сын приёмный, и жених военный!

— Что вы языком мелете, Андрей Николаевич мне в отцы годится, просто привязался он к Антошке, только жалко его! Не отдадут ему ребёнка!

Действительно, Скрябин не раз заводил разговор об Антоне, усыновить его хотел, с собой забрать. Последний месяц в гарнизоне дослуживал, демобилизации подлежал, мать в Смоленске его дожидалась, вот и хотел к ней с Антоном приехать. Вера объясняла, что у Антошки брат есть, нельзя их разлучать. Андрей Николаевич не раз в горисполком ходил, в разные инстанции обращался. Кого-то просил, кого-то убеждал, но один он, семьи нет. Не отдадут ему ребёнка на воспитание. Жалели, сочувствовали, но есть закон, товарищ майор, и мы бессильны помочь.

Перед отъездом пришёл Андрей Николаевич проститься, тяжёлым расставание было. Но не мог не прийти. Антон понял, что больше не увидит дядю Андрея, плакать стал. И у этого сурового и сильного человека слёзы на глазах стояли. Соседки Веры, глядя на них, сами украдкой слёзы утирали. А может, и лучше было бы, если б мальчика майору отдали, все равно в детский дом заберут. А так хоть отец нормальный у Антона был бы!.. Но не пробил стену чёрствости чиновников майор Скрябин, не на его стороне закон, один уехал с болью в сердце.

Через некоторое время Антона направили на временное содержание и воспитание в детский приёмник. Из ближайших родственников в семью брать его никто не пожелал. О той поре у Антона остались лишь отрывочные картинки.

Куда деть ребёнка и как определиться с ним в дальнейшем, решали долго. И через год направили в детский дом в Кобрине, на полное государственное обеспечение. Доставить его туда обязали отца, на этом его роль в воспитании сына и закончилась.

Первая фотография? Это Антон запомнил хорошо. Долго они с отцом ехали на автобусе, Антон уставился в окно и смотрел на огромные ели и сосны, плотно обступившие дорогу. Колёса старого автобуса неторопливо поглощали километры пути. Антон вспоминал дядю Андрея, и слёзы наворачивались на глаза мальчика. Отец его слёзы по-своему понял.

— Не плачь, сынок, в детском доме тебе хорошо будет, там детей много, сыт, одет будешь! — потом, устроившись поудобней, проспал всю дорогу.

Через три часа въехали в незнакомый город. В грязном привокзальном буфете перекусили. И двинулись искать детский дом, а по дороге зашли в небольшое фотоателье. Старый еврей принял их с улыбкой.

— Наш юный друг желает иметь фото? Прелестный мальчик, Вы получите лучшую фотографию в своей жизни! — фотограф расплывался в любезностях.

Насколько она будет лучшей, малышу не понятно, но то, что она первая в жизни у Антошки — это точно. (Она и была единственной фотографией с детских лет Антона, и нашёл он её через двадцать пять лет совершенно случайно.)

Старый еврей был настоящим художником, он долго колдовал над мальчиком, выбирая ракурс, тень и место. Наконец Антона поставили на стул и попросили смотреть на огромный тёмный фотоаппарат, уверяя, что оттуда вылетит птичка. Но пока мастер возвращался к аппарату, мальчишка поворачивался к нему спиной — на стене, было изображено море, а в небе летали лебеди, они и отвлекли Антона. Птичка как раз не спереди у него, как дядя говорил, а за спиной, вот он и вертелся.

Промучившись с этим непоседой, старый еврей всё-таки добился своего, но для этого ему пришлось пожертвовать яблоком. Огромное яблоко на какое-то время отвлекло внимание мальчика, и этим воспользовался фотограф.

Пока фотография была в производстве, он с отцом гулял по городу. И всё это время Антон грыз яблоко, оно было огромным и очень вкусным. Отец купил ему мороженое, первый раз в жизни он испытал такое наслаждение. Яблоко и мороженое стали его любимыми лакомствами.

А потом мужчина привёл сына в детский дом. Суетясь, отдал встретившим его женщинам документы на ребёнка и, торопясь, попрощался. В глаза ни ребёнку, ни сотрудникам смотреть не мог или не хотел. Уходил за ворота детского дома каким-то сжавшимся и жалким. Сбыл и сбежал. Мальчик долго смотрел ему вслед, а потом рванул вперёд и в истерике закричал.

— Папка! Па-п-ка! Не уходи!..

Стоявшая рядом с ним одна из женщин не выдержала, всхлипнула и прижала мальчика к себе.

После крика ребёнка мужчина вздрогнул и замер, а потом, не обращившись, быстрым шагом засеменил к воротам. Железная калитка за ним с оглушительным скрежетом закрылась, обрывая и настоящее, и прошлое.

И пропал родитель на долгие годы...

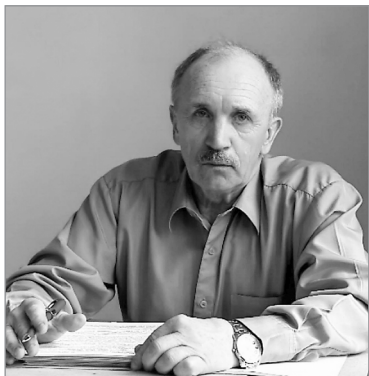
Новый дом

Военное лихолетье оставило деревянные постройки детского дома в целости. И это было чудо, всё кругом сгорело, а два деревянных строения уцелели.

Здания из круглых брёвен казались Антону огромными. Прибывшего малыша определили в младшую группу. Новая обстановка, новые люди и сверстники — всё было интересно. Антон стал знакомиться с окружающим миром, на ближайшие годы это будет его дом и жизнь.

В детдоме был сад, по детским меркам — большой. А в сентябре он ещё хранил на ветвях и яблоки, и груши, они-то и притягивали малышей. Кормили детей нормально, но дары сада были плодом запретным. Как только появлялась возможность, группа мальчишек, возглавляемая Борькой и Антоном, через дыру в заборе пробиралась к заветным деревьям. После посещения сада ни обед, ни ужин им уже были не нужны, они просто набивали желудки яблоками. Эти походы в сад руководством детского дома не поощрялись. Контроль над малышами усилили, а вскоре наступила настоящая осень, а за ней и зима...

В детском коллективе с первого дня устанавливаются свои порядки. Разумеется, какое-то влияние со стороны воспитателей есть. Но ты говоришь первое слово, ты реагируешь на первый вызов, и как поведёшь себя, таково и будет твоё место в этом коллективе. А вызов будет всегда. Только один промолчит, и этим поставит себя в зависимое положение, второй вызов этот примет, словом и делом будет доказывать свою правоту и превосходство. Но, как правило, доказывать своё право нужно кулаками. И если ты оказался сильнее — снимаются все вопросы. Ты лучший и сильный. И уже ты диктуешь условия, ведёшь себя, как хочешь, и говоришь,



ХВОЙНИЦКИЙ **Анатолий Владимирович**

Воспитанник детского дома и школы-интерната. Окончил Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина. Работал строителем, художником, инструктором.

Мастер спорта СССР по боксу. Заслуженный тренер Республики Беларусь. Победитель и призёр рес-

публиканских чемпионатов, всесоюзных и международных соревнований. Служил в органах МВД.

С 2012 г. — директор Барановичской специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва профсоюзов по спортивной гимнастике и боксу.

Журналист, писатель. Автор 13 книг, в их числе публицистика, романы, повести, рассказы, стихи.

Содержание

Первая фотография	3
Новый дом	9
День рождения	16
Спасительный буй	18
«Тёмная»	21
Новые друзья	23
Первый бунт	28
Футбол	34
Баня	37
«Куликовская битва»	39
Иванов	41
Профессиональный бокс	44
Финальный бой	50
Последний звонок	54
Потери	56
Первые каникулы	60
Медаль «За отвагу»	64
Тётя Вера	68
Искатели оружия	74
Новые лидеры	77
Зеркальный уж	81
Оружейники	83
Диафильм	87

Око за око	90
Снежная крепость	93
Визит из небытия	98
Знакомство	103
Утверждение	105
Встреча с братом	108
Возвращение	113
Трубка мира	118
Зимние игры	123
Дорога домой	127
На войну	131
Злополучные яйца	134
Головастик	137
Забастовка	139
Не рой яму другому	141
Две жизни	145
Степанида	148
Георгиевский крест	151
Первая зарплата	153
Жорка — бизнесмен	160
Марафон	162
Жених и невеста	165
Месть класса	168
Ангел-хранитель	172
Последний день детства	175
Афганская встреча	178
Олег	194
Строители коммунизма	207
Нас тонуть не учили	218
<i>Об авторе</i>	237